

**ПРОБЛЕМА ВРЕМЕНИ В РОМАНАХ
ЭМИГРИРОВАВШИХ ПИСАТЕЛЕЙ-ФРАНКОФОНОВ
(МИЛАН КУНДЕРА, АНДРЕЙ МАКИН, АМИН МААЛУФ)**

Анастасия Борисовна Теплякова

Преподаватель кафедры медиалингвистики факультета журналистики
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, д. 1
theasia@yahoo.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9416-1192>

Статья поступила в редакцию 07.03.2021

В статье представлен сопоставительный анализ романов писателей-эмигрантов Милана Кундеры, Андрея Макина и Амина Маалуфа с точки зрения вопроса времени. Проблемы личностного кризиса эмигрировавшего героя приводят к изменению восприятия истории и линейности времени. На первый план выходит цикличное время, объединяющее в себе прошлое, настоящее и будущее. Анализ композиции романов, хронотопа, символов, мифологем и словаря произведений позволяет сделать вывод об изменении нарративного дискурса эмигрантского романа и представлении времени как эстетической категории.

Ключевые слова: время, хронотоп, эмигрантский роман, Кундера, Макин, Маалуф.

Международная политическая ситуация второй половины XX – начала XXI века сопряжена с конфликтом индивидуальной и коллективной памяти, вокруг которого строятся произведения М. Кундеры, А. Макина и А. Маалуфа – писателей, эмигрировавших во Францию в 1975, 1976 и 1987 годах, соответственно. Вопрос времени становится центральной темой романов «Неведение» Кундеры (2011), «Французское завещание» Макина (1995), «Жизнь неизвестного человека» Макина (2009), «Сбившиеся с пути» Маалуфа (2012), в которых эмиграция, ностальгия и противоречие между мечтой и реальностью обусловливают пространственно-временной аспект. Научная новизна исследования заключается в изучении проблемы личностного кризиса героя эмигрантского франкоязычного романа, решаемого конструкцией романа, создающей новое восприятие времени, а также в изучении

романа Амина Маалуфа, до сих пор не переведенного на русский язык и мало исследованного западными критиками.

Роману XX в. свойственна потеря пространства и появление человека, «принадлежащего всем местам и имеющего возможность пере-ехать куда угодно» («propre à tous les lieux et disponible pour tous les déplacements») [Daunais 2004: 260]. Эмигрантский роман, в частности, строится на противопоставлении Родины и страны эмиграции. Путь, который надо пройти от потерянного рая к раю мечты, лежит в основе романов Макина [Vucur 2011: 93]. Разочарование в опыте эмиграции и чувство непринадлежности ставят под вопрос поиск потерянного рая, сталкивают мечту и реальность. В «Сбившихся с пути» во Франции, которую рассказчик называет «одним из последних оплотов эгалитарной морали» («l'un des derniers bastions de la morale égalitaire»), Рамез, миллионер ливанского происхождения, понижает голос всякий раз, когда он говорит по-арабски в общественном месте, потому что, по его словам, его по-прежнему воспринимают как «разбогатевшего варвара» («un barbare enrichi»), который принадлежит к «побежденному народу» («à un peuple vaincu») [Maalouf 2012: 181, 247]. Повествование переходит от идеализации страны эмиграции к идеализации Родины, сопровождающейся появлением желания вернуться обратно и развитием сложного понятия ностальгии, которая может проявляться в форме ностальгии по родному языку.

Романы построены на многочисленных аналепсах, целью которых является размышление о личности героя через призму прошлого. Так, например, «Сбившиеся с пути» – это эпистолярный роман о друзьях, которые вспоминают свое совместное прошлое, где через нарративную конструкцию память встраивается в создание образа героя [Рикер 2000: 103].

В романах используются мифологемы. Так, миф входит в роман «Неведение» аллюзией на «Одиссею» и сравнением родины с Итакой: «entre la dolce vita à l'étranger et le retour risqué à la maison, [Ulysse] choisit le retour» («между сладкой жизнью за границей и рискованным возвратом домой [Улисс] выбирает возврат») [Kundera 2011: 463]. Во «Французском завещании» образ Франции как недостижимой Атлантиды проходит через весь роман: «Donc, je voyais autrement! Était-ce un avantage? Ou un handicap, une tare? Je n'en savais rien. Je crus pouvoir expliquer cette double vision par mes deux langues: en effet, quand je prononçais en russe «царь», un tyran cruel se dressait devant moi; tandis que le mot «tsar» en français s'emplissait de lumières, de bruits, de vent, d'éclats de lustres, de reflets d'épaules féminines nues, de parfums mélangés – de cet air inimitable de notre Atlantide. Je compris qu'il faudrait

cacher ce deuxième regard sur les choses, car il ne pourrait susciter que les moqueries de la part des autres» («Так, значит, я вижу по-другому! Что это – преимущество? А может, ущербность, изъян? Я не знал. Но решил, что двойное видение можно объяснить моим двуязычием – в самом деле, когда я произносил по-русски «царь», передо мной возникал жестокий тиран; а французское «tsar» наполнялось светом, звуками, ветром, сверканьем люстр, блеском обнаженных женских плеч – неповторимым воздухом нашей Атлантиды. И я понял, что этот второй взгляд на вещи надо скрывать, потому что у других он вызывает только насмешки» [Макин 1996]) [Makine 1995: 66]. Таким образом, роман приобретает черты утопии, поскольку герой находится в постоянном поиске ускользающей истины, а страны, к которым он одновременно принадлежит и не принадлежит, недостижимы, так как их реальность не совпадает с воображаемым пространством.

Противоречие между официальной версией истории и реальными событиями, вынудившими героя эмигрировать, находится в центре романа. Переезд порождает размышления об истории, о том, как легко она переписывается, о забвении и о природе времени. Идея невозможности уловить время проходит красной нитью через эмигрантский роман. Кундера в «Искусстве романа» пишет: «Нет ничего более очевидного, осязаемого и ощутимого, чем настоящий момент. И тем не менее, он полностью от нас ускользает. Вся печаль жизни состоит в этом» («Il n'y a apparemment rien de plus évident, de plus tangible et palpable que le moment présent. Et pourtant, il nous échappe complètement. Toute la tristesse de la vie est là») [Kundera 2011: 653]. Противопоставление пространства через опыт эмиграции приводит к изменению восприятия времени. Образ другой страны переходит от работы воображения по придумыванию будущего к усилию памяти по восстановлению прошлого [Висур 2011: 93]. Ориентация на будущее – на грядущую эмиграцию или возврат на Родину – и ориентация на прошлое – воспоминания о Родине, попеременно выходят на первый план в повествовании, где в результате устанавливается цикличное время. Оно исключает линейность исторического времени и включает в себя одновременно прошлое, настоящее и будущее, таким образом воплощая идею вечности. Эмиграция превращается в поиск времени, которое больше не существует, во вневременное существование. Роман переходит от пространственного поиска к временному поиску, трансgressирует из утопического аспекта в ахронический.

Характерной чертой эмигрантского романа является двойной конфликт: пространственное противостояние, приводящее к временному противостоянию. Пространственные символы времени, в которых

встречаются прошлое, настоящее и будущее, представляют собой хронотопы и образуют временную структуру романа. С их помощью время приобретает черты материи (плотность, инерционность). Эти символы становятся местом перехода из реальности в мечту и позволяют герою выйти из обыденности. Примером такого символа служит чемодан во «Французском завещании», открыть который значит для главного героя «перейти в дальнее «другое пространство» – временное и географическое (Францию «прекрасной эпохи») и установить глубокую связь с предшествующими поколениями» («*pénétrer dans un «ailleurs» temporel et géographique lointain (la France de la Belle Époque) et instaurer un contact profond avec les générations qui l’ont précédé*») [Abignente 2011: 229]. Стремление избежать реальности, характерное для эмигранта, и создание воображаемого мира реализуются через пространственные символы времени, которые приобретают волшебные черты и становятся сакральными.

Таким образом, через хронотопы и пространственные символы времени, через создание воображаемой реальности и цикличного времени появляется новый архетип – герой вне времени, в памяти которого прошлое не отделено от настоящего. Его поиск правды, касающейся истории, расширяет его личную память до уровня памяти коллективной. Его путешествие переходит из географического плана в личностный и характеризуется определенными этапами: инициацией в другую культуру, ниспровержением ценностей из-за осознания принадлежности к другой культуре, отрывом от культуры страны, в которой находится персонаж, возвратом на родину и новым разочарованием. Герой верит, что возврат станет «возвращением к тому, кем он был по-настоящему» («*un retour vers celui qu’il était réellement*») [Makine 2009: 32]. Герой проживает личностное раздвоение, спускается в ад собственной души, проходит через катарсис и выходит другим. Динамика создания личности в эмигрантском романе характеризуется амбивалентностью, потому что все этапы личностных трансформаций обусловлены конфликтом между воображаемым «Я», принадлежащим другой стране и другой эпохе, и реальным «Я».

Писательская деятельность героев романов корпуса позволяет решить личностный конфликт посредством создания воображаемой реальности и усилением значения творческого, поэтического момента. Так, книга, символ времени, присутствующий во всех романах, позволяет главному герою «Французского завещания» почувствовать время: «Благодаря “Заметкам” время обрело для меня удивительную плотность. При том что я жил в прошлом Шарлотты, мне казалось, что никогда я так насыщенно не воспринимал настоящее!» («*Grâce aux*

« Notes », le temps avais acquis pour moi une densité étonnante. Vivant dans le passé de Charlotte, il me semblait pourtant n'avoir jamais ressenti aussi intensément le présent!» [Makine 1995: 313]. Время сжимается и становится осязаемым; прошлое и настоящее встречаются в материальном предмете. Во время написания «Заметок» рассказчик вновь и вновь проживает эпизоды из прошлой жизни «не как чистые моменты, а в зыбкой плотности сферического времени» («non comme de purs moments, mais dans la densité mouvante du temps sphérique») [Blanchot 1959; 36]. Поэтический момент расширяется до вечности и стирает наложения временных уровней повествования. Таким образом, он объединяет полифонию временных уровней в единое целое. Неспешность и поэтика момента – ключевые черты циклического времени. Трансформация времени при написании книги становится главным действием, что позволяет персонажу вырваться из реальности [Mecke 2013: 5]. Так, в эмигрантском романе нарративный дискурс, в центре которого находится кризис личности, становится фабулой о времени, а время становится эстетической категорией.

Список литературы

Корпус:

- Kundera M.* L'Ignorance. Gallimard: Bibliothèque de la Pléiade, I, II, 2011. 2832 p.
- Maalouf A.* Les Désorientés. Paris: Grasset et Fasquelle, 2012. 528p.
- Makine A.* La Vie d'un Homme Inconnu. Paris: Du Seuil, 2009. 288p.
- Makine A.* Le Testament Français. Paris: Mercure de France, 1995. 350p.
- Макин А.* Французское завещание. Пер. Ю. Яхниной, Н. Шаховской, 1996. 492с. URL: https://royallib.com/book/makin_andrey/frantsuzskoe_zaveshchanie.html (дата обращения: 05.03.2021)

Критика:

- Abignente E.* Le pouvoir évocateur des objets dans les romans d'André Makine. In: Le Monde selon André Makine. Textes du Collectif de chercheurs, op.cit., P. 221–241.
- Blanchot M.* Le Livre à Venir. Paris: Gallimard, 1959. 352p.
- Vicur R.* Du paradis perdu au paradis rêvé, la vérité cruelle de l'époque. In: Le Monde selon André Makine. Textes du Collectif de chercheurs autour de l'œuvre d'André Makine, éd. Murielle Lucie Clément, Marco Caratozzolo, Editions universitaires européennes, Südwestdeutscher Verlag für Hochschulschriften GmbH & Co. KG, 2011. P. 91–109.
- Daunais I.* Le temps dévié du roman // Poétique 3/2004 (n° 139). P. 259–270. URL: <https://www.cairn.info/revue-poetique-2004-3-page-259.htm> (дата обращения: 23.12.2020).

Kundera M. L'Art du Roman. Gallimard: Bibliothèque de la Pléiade, I, II, 2011. 2832p.

Mecke J. Mimèsis et poïesis du temps : Paul Ricœur et la temporalité du roman (post-) moderne. *Fabula / Les colloques, L'héritage littéraire de Paul Ricœur*, 2013 URL: <http://www.fabula.org/colloques/document1885.php> (дата обращения: 15.12.2020).

Ricoeur P. La Mémoire, L'Histoire, L'Oubli. Paris: Editions de Seuil, 2000. 736p.

THE PROBLEM OF TIME IN THE NOVELS BY IMMIGRANT FRANCOPHONE WRITERS (MILAN KUNDERA, ANDREĬ MAKINE, AMIN MAALOUF)

Anastasia B. Teplyakova

Teacher in the Medialinguistics Department of the Faculty of Journalism

Lomonosov Moscow State University

119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory, GSP-1

theasia@yahoo.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9416-1192>

Submitted 07.03.2021

The article presents a comparative analysis of the novels by immigrant writers Milan Kundera, Andreĭ Makine and Amin Maalouf from the perspective of time. The identity crisis of the immigrant character leads to the change in the perception of History and of the time linearity. Circular time that encompasses the past, the present and the future dominates. The analysis of the novels' structure, chronotope, symbols, mythologemes and of the language of the corpus shows the change in the narrative discourse of the immigrant novel and in the representation of time as an aesthetic category.

Key words: time, chronotope, immigrant novel, Kundera, Makine, Maalouf.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Теплякова А.Б. Проблема времени в романах эмигрировавших писателей-франкофонов (Милан Кундера, Андрей Макин, Амин Маалуф) // *Мировая литература в контексте культуры*. 2021. № 12 (18). С. 52–57.

doi 10.17072/2304-909X-2021-12-52-57

Please cite this article in English as:

Teplyakova A.B. Problema vremeni v romanakh emigrirovavshikh pisateley-frankofonov (Milan Kundera. Andrey Makin. Amin Maalouf) [The Problem of Time in the Novels by Immigrant Francophone Writers (Milan Kundera, Andreĭ Makine, Amin Maalouf)]. *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury* [World Literature in the Context of Culture], 2021, issue 12 (18), pp. С. 52–57.

doi 10.17072/2304-909X-2021-12-52-57